

Енченко А.В.

ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПОЭЗИИ АНДРЕ ШЕНЬЕ

The topic of this article is the works of French poet Andre Chenier. It takes up question of his method and his attitude to the philosophy of the Enlightenment and to the antique literature, his conception of poetic creation. The article deals with question of his place in the literature of XVIII century and posterior age.

Цель данной статьи – рассмотреть поэтическое наследие А. Шенье (1762–1794 гг.) в контексте философской и художественной системы, сформировавшейся в эпоху Просвещения и выявить те особенности мировоззрения и творческих исканий поэта, которые возникли в рамках этой системы.

Статья представляет собой фрагмент диссертационного исследования “Своеобразие поэтического творчества А. Шенье и его интерпретация в русских и украинских переводах”.

Важной особенностью поэтического творчества А. Шенье является стремление к отказу от традиций помпезного, строго регламентированного классицизма, к уходу в светлый и радостный мир Эллады, предстающий в произведениях древнегреческих мастеров: Феокрита, Каллимаха, Биона, Мосха. В отличие от современников-классицистов, Шенье «видел в произведениях греческой поэзии не одну только внешнюю сторону, а умел чувствовать выражающуюся в них душу». [11, с. 227]. Подражая античным поэтам, он стремится воссоздать, воскресить эту «душу» пленительно прекрасной, но давно ушедшей эпохи. Однако Шенье остается человеком своего времени, французом XVIII века, и духовные поиски современников находят в его душе глубокий отклик, обогащая мировоззрение и творчество поэта.

Само увлечение Шенье классической древностью отвечало духу времени. Просветителям, стремившимся к глобальным социальным преобразованиям, афинская демократия и древнеримская республика представлялись достойным подражанием образцом устройства общественной жизни, воплощением идеала разумной законности, не препятствовавшей развитию личности, которой сама природа дала право на счастье и свободу.

Идеал свободной, гармоничной личности занимает важное место в теории «золотого века», созданной Руссо. Творчество этого мыслителя оказало большое влияние на формирование мировоззрения Шенье. Известно, что в своем трактате «Рассуждение о науках и искусствах» Руссо подвергал критике прогресс человеческой цивилизации, который, как он считал, не сделал легче жизнь простых людей, не уничтожил нищеты и рабства. Развитие торговли и ремесел, достижения науки не только не способствовали укреплению добродетели и морали, не содействовали благосостоянию народа, но, напротив, усилили власть лицемерия, лжи, тщеславия, как и испорченность нравов, тяготение к праздности. Цивилизацию Руссо противопоставляет естественному состоянию, безнравственных людей своей эпохи – людям «золотого века», близким к природе, свободным, добродетельным и безмятежно счастливым. [16, с.153–154].

Преображая древние образы в духе новых идейных потребностей времени, Шенье изображает в античном облачении просветительский идеал свободной человеческой личности. Его буколки можно считать художественным выражением руссоистской теории «золотого века». Их герои соответствуют представлению Руссо о «естественном человеке», которого не коснулось губительное влияние цивилизации, порождающей вражду, неравенство и рабство. Погруженный в прекрасный мир древней Эллады, Шенье вовсе не был отрешен от реальной жизни. В светлый буколический мир подчас вторгается современная поэту действительность, омрачая его социальными проблемами («Слепец», «Нищий», «Свобода»).

Буколки Шенье занимают важное место в его поэтическом наследии. Жанр буколки или пасторали восходит к античной буколке, оформившейся в творчестве Феокрита. В буколки Феокрита, а затем Вергилия, определились особенности жанра, свойственные впоследствии и новоевропейской пасторальной поэзии: изображение прекрасной земли, Аркадии (по названию области в Греции, где происходит действие античных буколик), на фоне которой действуют пастухи и мифологические персонажи: наяды, нимфы, сатиры. Герои ведут беспечные беседы, состязаются в игре на свирели и на флейте, проводят время во власти любовного томления. Особенного расцвета пасторальная поэзия достигла в эпоху Возрождения в творчестве Саннадзаро, Ронсара и Тассо. Значительное место занимала она и в литературе XVII–XVIII вв.

Глубокий знаток греческой лирики, Шенье стремится воссоздать в своих буколки мироощущение людей минувшей эпохи, возродить прекрасный мир жителей древней Эллады, близких к природе.

В буколическом мире Шенье нет ненависти и жестокой борьбы. В нем царят любовь и гармония. Герои буколик – это простые, открытые люди, пребывающие в согласии с природой. Главные ценности мира буколик – искусство и любовь, которая здесь свободна от условностей, предрассудков и корысти. Это любовь земная, чувственная, но чистая в своей искренности. Единственным злом, которое может омрачить мирную жизнь героев, является неразделенность любви; она может стать причиной болезни и даже смерти влюбленного. Горечь безответного чувства изведает герой буколки «Больной юноша» («Le Malade»), отчаявшийся обрести счастье взаимности. Шенье изображает здесь любовь в духе античных представлений о ней – как тяжкий недуг, наваждение. Герой уже ощущает приближение смерти. Но в буколическом мире

ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПОЭЗИИ АНДРЕ ШЕНЬЕ

горести преходящи. Мать спасает юношу, устроив его бракосочетание с любимой девушкой.

В буколической «Слепец» («L'Aveugle») Шенье показывает, насколько души непосредственных людей, близких к природе, чутки к голосу Прекрасного, как глубоко может взволновать их сила искусства. Герой этой буколической – странствующий певец, обездоленный старик, лишенный родины и крова. На его лице – печать перенесенных страданий. Однако образ певца свободен у Шенье от снисходительной или покровительственной окраски. Несмотря на тяжелые испытания, герой сохраняет внутреннюю независимость и благородство. Он не идет ни на какие уступки купцам на корабле, отказывается стать шутком, увеселяющим их. Богатые купцы обрисованы у Шенье как люди грубые, скупые, наглые. Они не способны понять искусство певца. Поскольку ему нечем было заплатить за место на корабле, они высадили беспомощного старика на неизвестном острове. Певец попадает на остров Сикос и встречает простых пастухов.

Образ великого Гомера, нарисованный поэтом в этой буколической, построен на контрасте между его немощным видом и божественным даром. Он обладает огромной духовной силой. Поведение певца настолько величественно и исполнено чувства собственного достоинства, что пастухи поначалу принимают его за одного из богов. Они сбегаются со всех концов на звуки его пения, забывают, слушая его, о своих заботах. Пастухи с трепетом внимают поэмам о богах и героях, созданным Гомером, внутреннему взору которого предстает вся вселенная от начала ее создания. В изображении вдохновенной импровизации Гомера автор подчеркивает ее экстагический характер – в соответствии с античными представлениями о творчестве как божественном наитии. Эта завораживающая все вокруг песня становится кульминацией поэмы. Яркими красками поэт изображает картину битвы лапифов с кентаврами, в которой языки пламени озаряют кровавый бой, раздаются крики, рев, тела сплетаются в жестокой схватке.

Среди обитателей небольшого острова, простых людей, живущих «естественной» жизнью, поэт предстает вдохновенным свыше вождем, центром общества. Но в том мире, откуда он пришел, его участь были изгнание и нищета. В том мире очерстевшие сердца богачей закрыты для прекрасных звуков песен, и поэзия существует только для самого поэта, служит ему единственным прибежищем и утешением:

La voix me reste. Ainsi la cigale innocente
Sur un arbuste assise, et se console et chante. [21, с. 45]

Остался голос мне. Наивная цикада

Не так ли на кусте поет и песне рада? (Перевод Вс. Рождественского) [2, с. 34].

Сравнение поэзии с голосом цикады, восходящее к античности, нередко встречается в произведениях поэта.

Люди буколического мира Шенье понимают тщету богатства, они проникнуты великодушием и человечностью по отношению к бедным. Главный герой буколической «Нищий» («Le Mendiant») – Клеотас, несчастный скиталец, измученный долгими странствиями. Его ноги изранены жестким булыжником и сухим песком. Его иссушил голод и истерзала жажда. Одинокие скитания Клеотаса описываются в монологе, в котором страдание обуславливает восприятие мира. Экспрессивные сочетания «errant et fugitif», «seul, d'exil en exil, de déserts en déserts», «pauvre», «languissant et débile», «sans appui», «sans foyer», «sans asile» [21, с. 40] («скитающийся беглец», «одинокий, от изгнания к изгнанию, из пустыни в пустыню», «нищий», «кiszнемогающий и слабый», «без поддержки», «без очага», «без приюта») способствуют нагнетанию мотива одиночества. Но перенесенные тяготы не заставили Клеотаса утратить чувство собственного достоинства. Войдя в пиршественный зал богача Ликий, он ведет себя без всякой приниженности и рабской угодливости, свободно и смело высказывает свою точку зрения, даже вступает с Ликийем в спор. Клеотас гордится тем, что его руки привыкли к работе: он умеет пахать и боронить, управлять на пастбище могучими быками, знает, как пользоваться садовым ножом, как следует сажать виноградную лозу, как косить траву и собирать жатву. Богатый Ликий, оказавший Клеотасу гостеприимство, испытал нищету на собственном опыте: он сам был когда-то бедняком и протягивал руку за подаванием. Очень важно, что Ликий не забывает о своем прежнем состоянии неимущего, не отказывается от своего прошлого, не стыдится его. Позже он узнает в Клеотасе своего бывшего хозяина и благодетеля, после чего не колеблясь отдает ему все свое богатство.

В стихотворении «Нищий», как и во многих других буколических, Шенье стремится до мельчайших подробностей передать атмосферу древности, ее быт, заставить почувствовать своеобразие ее обычаев, в данном случае – законов гостеприимства.

Радостную и мирную гармонию буколического мира подчас нарушает смерть, особенно трагичная, когда она постигает молодое, полное нерастраченных жизненных сил, существо. Тема смерти, ухода, бегства юного прелестного существа – одна из основных тем буколических. Ярким примером может послужить буколическая «Юная Тарентинка» («La Jeune Tarentine»). Е. П. Гречаная, известный исследователь творчества А. Шенье, дает, на наш взгляд, наиболее глубокий анализ данного произведения, который и был использован в качестве основы в настоящей работе. В этом стихотворении накануне своей свадьбы в морских волнах погибает прекрасная Мирто. Но смерть не побеждает красоту. Следуя примеру древних, поэт в самой смерти утверждает сладость и прелесть жизни. Повествование о судьбе героини ведется в спокойном, размеренном темпе, свойственном буколическим Шенье. Горе выражается лишь тихими печальными жалобами на несправедливость судьбы. В стихотворении нагнетается мечтательно-меланхолическая атмосфера. Этому способствует, как убедительно показывает Е. П. Гречаная, напевность стиха с его ритмико-синтаксическими параллелизмами и повторами [9, с. 35]:

Pleurez, doux alcyons, ô vous oiseaux sacrés,
Oiseaux chers à Thétis, doux alcyons, pleurez. [21, с. 11].

О, альционы, плач начните погребальный,

Фетиде милые, начните плач печальный! (Перевод Е. П. Гречаной) [2, с. 91].

В буколке «Свобода» («La Liberté»), – единственной буколке Шенье, в которой светлая красота мира омрачена существованием рабства, – получили развитие и поэтическое воплощение размышления Руссо о том, что унижительное рабство крестьян лишает их счастья свободного плодотворного труда: «Вот так и получается, ... что земля открывает свое плодоносное лоно и щедро дарит свои сокровища счастливым народам, когда они возделывают ее для самих себя. Она будто улыбается и оживает, радуясь сладостному зрелищу свободы, она любит питать людей. Зато убогие лачуги, полуопустевший край, где земля заросла вереском и терновником, издали возвещают, что там властвует всегда отсутствующий господин и что земля скупо дает рабам те жалкие плоды, коими они имеют право пользоваться» [17, с.478–479].

Анализу буколки «Свобода» уделяют внимание В. Блюменфельд [5, с.10–11], С. И. Великовский [7, с. 29–31], В. Е. Шор [20, с. 267], Д. Д. Обломиевский [13, с. 207], Е. П. Гречаная [9, с.36], чьи исследования были использованы в настоящей работе.

Стихотворение представляет собой разговор двух пастухов – свободного и раба. Этот диалог отвечает традиции рассуждений-бесед, распространенных в просветительской литературе. Произведение построено на противопоставлении мировоззрений свободного труженика и раба, последовательно приводящем к мысли о губительности рабства, которое искажает прекрасный от природы нравственный облик человека.

С первой реплики возникают два контрастных образа: свободный козопас, светловолосый, с открытым и приветливым взглядом, и подневольный овечий пастух с черными спутанными волосами, скрывающими взгляд угрюмый и тоскливый. Каждый из героев представлен в окружении пейзажа, соответствующего его облику. Мирный и радостный пейзаж козопаса с просторными полями и зелеными лугами противопоставлен мрачному пейзажу овечьего пастуха, спустившегося с гор, где почва суха и камениста, низвергается мутный поток, где даже солнце – «лютый враг» [1, с.20] («un soleil rongeur» [21, с. 49]) (перевод Вс. Рождественского) и слышны лишь ночные птицы. В подлиннике это впечатление мрачной враждебности к человеку подчеркнуто аллитерацией: “Un noir torrent pierreux y roule une onde impure” [21, с. 49] («Там в ложе каменном поток струится серый» (перевод Вс. Рождественского) [1, с. 20]. Раб равнодушен к красоте долины, где живет козопас, которому природа открывается во всем великолепии, щедро вознаграждая его труд. В душе козопаса царит гармония с окружающим миром, не омраченная обидой на несправедливость судьбы. Он испытывает сострадание к своему подневольному собрату и пытается смягчить его очерствевшее сердце доводами о прелести жизни. Но раб не принимает этих увещаний, избилующих клише пасторальной поэзии: «la pourpre des fleurs dont le pêcher se pare» [21, с. 51] («персиковых рощ душистое цветенье» [1, с. 22]), «ces près verts» [21, с. 51] («зелень холмов» [1, с. 22]), «La récolte et la Paix, aux yeux purs et sereins» [21, с. 51] («Мир и Урожай с сиянием в очах» [1, с. 22]). Он дважды повторяет: «Je suis esclave» [21, с. 49, 50] («Я – раб», «Я – только раб» [1, 20] (перевод Вс. Рождественского). События словно участвуют в состязании, обосновывая каждый свое мировоззрение. В конце произведения свободный пастух дарит рабу козу с козлятами, желая этим скрасить его безрадостную жизнь. Завершение спора вручением победившему дара – характерная черта буколического жанра. Таким образом, свободный признает свое поражение.

Буколка «Свобода» явилась выражением и итогом долгих размышлений самого автора, исполненных сострадания к тяжелой доле человека, не принадлежащего самому себе.

Oui, l’esclavage est dur. Oui, tout mortel doit craindre

De servir, de plier sous une injuste loi;

De vivre pour autrui, de n’avoir rien à soi. [21, с. 50].

Ужасно рабство нам. Мы все должны бояться

Попасть в его ярмо, под власть законов злых,

Жить в полной нищете, трудиться для других, –

говорит он устами своего героя, свободного пастуха. [1, с. 21] (Перевод Вс. Рождественского). Теоретический спор двух героев пронизан у Шенье искренней заботой о счастье человека. Это позволило ему, как отмечает С. Великовский, «оставаясь на почве рационалистической культуры Просвещения, в значительной мере преодолеть отвлеченный дидактизм, господствовавший в философской поэзии XVIII столетия» [7, с. 30]. Но при всем пафосе сочувствия рабу, ставшему жертвой тирании, идея стихотворения заключается в том, что раб представляет собой угрозу как потенциальный тиран. Он говорит:

O juste Némésis, si jamais je puis être

Le plus fort à mon tour, si je puis me voir maître,

Je serai dur, méchant, intraitable, sans foi,

Sanguinaire, cruel, comme on l’est avec moi. [21, с. 53].

О Немезида! В день, когда и сам я буду

Хозяином, как он, – отмстить я не забуду,

Я стану черствым, злым, бестрепетным душой,

Кровавым деспотом, каким он был со мной, –

говорит он. [1, с. 24] (Перевод Вс. Рождественского). Произведение, последнее слово в котором остается за

ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПОЭЗИИ АНДРЕ ШЕНЬЕ

рабом, получает пессимистическую окраску. Таким образом, в буколке «Свобода» отразилась такая сторона мировоззрения Шенье, как ненависть к тирании, следствие которой – стремление к переустройству общества, доказанное поэтом в первый период революционных преобразований.

Некоторые критики, в частности, Сент-Бев, усматривают определенную связь данного произведения с фактами биографии поэта. Известно, что достаток семьи Шенье был невелик, и после окончания коллежа поэту следовало думать о том, чтобы определиться в жизни и найти для себя твердое положение с доходом. Благодаря помощи друзей Шенье удалось в 1787 году получить должность частного секретаря французского посла в Англии. Поэту пришлось расстаться с привычным образом жизни, с независимостью для того, чтобы не быть обузой для семьи. Занимаемая им должность секретаря ранила самолюбие поэта – он был фактически простым переписчиком деловых бумаг. Кроме того, он был лишен моральной поддержки друзей, ценивших его. Подавленное душевное состояние Шенье отразилось в элегиях, написанных в период пребывания в Лондоне (например, «O nécessité dure! ô pesant esclavage!» [21, с. 75] («О, жалкая судьба, о, тяжесть несвободы!») (перевод Е. П. Гречаной [2, с.112]), «Sans parents, sans amis, et sans concitoyens...» [21, с. 555] («От близких, от друзей, от земляков вдали...») (перевод Е. П. Гречаной [2, с. 125]). Впоследствии он с грустью вспоминал годы, проведенные в Англии, когда ему пришлось узнать горечь унижений и обид, неизбежных для небогатого человека, находящегося среди высокомерной знати.

Сент-Бев, размышляя о горестях молодого поэта, которые тому довелось испытать под гнетом жестокой необходимости находиться вдали от родины, одинокого среди надменных аристократов, пишет: «Так вот, я тщательно разыскивал в его произведениях следы этих первых глубоких душевных страданий; сначала я нашел лишь десять стихотворных строк, тоже помеченных Лондоном и датированных тем же самым числом, что и прозаический отрывок; но потом, когда я внимательно вчитался в них, мне припомнилась идиллия под заглавием «Свобода», и я понял, что этот пастух с разметавшимися черными кудрями и угрюмым взглядом из-под густых бровей, который влачит за собой по диким тропам, выходящим вдоль каменистых ручьев, тощих и изголодавшихся овец; который швыряет прочь свою свирель, исполненный отворачивания к песням, пляскам и жертвоприношениям; который отвергает всякое утешение, ибо он раб, – я понял, что пастух этот есть не что иное, как идеальное и поэтическое воплощение воспоминаний о Лондоне и того своеобразного рабства, которое испытал там Андре».[18, с. 79–80]. Поэту, испытавшему на себе всю «тяжесть несвободы» [2, с.112], было нетрудно осознать мучительную безысходность, нестерпимость жизни человека, отягченного цепями рабства и не принадлежащего самому себе.

В поэзии Шенье, хорошо знакомого с творчеством Руссо, занимает значительное место христианская религия. Поэт нередко использует библейские образы и сюжеты. Примером может послужить его незавершенная поэма «Сусанна» («Susanne»), в которой автор намечался изложить библейский рассказ о Сусанне и старцах, а также XVI буколка, представляющая собой поэтическую интерпретацию фрагмента Песни Песней:

Mon visage est flétri des regards du soleil.
 Mon pied blanc sous la ronce est devenu vermeil.
 J'ai suivi tout le jour le fond de la vallée.
 Des bêlements lointains partout m'ont rappelée:
 J'ai couru: tu fuyais sans doute loin de moi;
 C'était d'autres pasteurs. Où te chercher? O toi,
 Le plus beau des humains, dis-moi, fait-moi connaître
 Où sont donc tes troupeaux, où tu les mènes paître,
 Pour que je cesse enfin de courir sur les pas
 Des troupeaux étrangers que tu ne conduis pas. [21, с. 22–23].
 От солнца все лицо пылает у меня,
 И белая горит от терний ступня.
 Блуждая целый день долиной молчаливой,
 Далеких блеяний я слышала призывы.
 Стремясь вослед тебе, бежала я на зов,
 Но не тебя, других встречала пастухов.
 Куда сокрылся ты? О, знать моя отрада,
 Где, в стороне какой свое пасешь ты стадо. (Перевод Е. П. Гречаной). [2, с. 54].

Приверженность руссоистской теории «естественного человека», свободного от разрушительного влияния цивилизации, не мешает поэту верить в прогрессивное значение достижений науки, в преобразующую силу разума, способного освободить общество от предрассудков и рабства. В одном из набросков поэт уподобляет великих ученых сиянию пролетевшей кометы, освещающему путь идущих вслед: «On peut comparer les sages instruits et savants qui éclairent ceux qui viennent après à la queue étincelante des comètes» [21, с. 416].

Научный энтузиазм Шенье нашел выражение в его незавершенной поэме «Гермес». Здесь поэт ставит своей целью дать свод естественнонаучных знаний, накопленных человечеством, как и культурно-историческую панораму жизни от самых истоков, по образцу поэмы Лукреция «О природе вещей». Наброски к поэме свидетельствуют о том, что автор предполагал описать возникновение Вселенной, зарождение общества и религии, затем обратиться к социально-политической проблематике с использованием

трудов Монтескье и Руссо. Одна из глав должна была состоять в изложении «Общественного договора» Руссо. Шенье воспеваает силу человеческой мысли, побеждающей пространство и время, овладевающей тайнами природы.

В своей поэме Шенье стремится соединить строгую точность отвлеченных понятий философского мышления с лиризмом чувств. Ощущение грандиозности космических просторов, окружающих землю, поэт передает в виде непосредственного, очень интенсивного индивидуального переживания:

Souvent mon vol, armé des ailes de Buffon,
Franchit avec Lucrèce, au flambeau de Newton,
La ceinture d'azur sur le globe étendue.
Je vois l'être et la vie et leur source inconnue,
Dans les fleuves d'éther tous les mondes roulants;
Je poursuis la comète aux crins étincelants,
Les astres et leurs poids, leurs formes, leur distances;
Je voyage avec eux dans leurs cercles immenses.
Comme eux, astre, soudain je m'entoure de feux,
Dans l'éternel concert je me place avec eux;
En moi leurs doubles lois agissent et respirent;
Je sens tendre vers eux mon globe qu'ils attirent.
Sur moi qui les attire ils pèsent à leur tour.
Les éléments divers, leur haine, leur amour,
Les causes, l'infini s'ouvre à mon oeil avide. [21, с. 391–392].
...обретя порой крыла, Бюфонов дар,
За грань, чья синева земной объемлет шар,
Я мчусь с Лукрецием при факеле Ньютона
Изведать глубь небес и мироздания лоно.
И зрю я сонмы звезд в волнах эфирных рек,
За гривами комет я устремляю бег.
Их вес и формы их глазам моим открыты.
Меня уносят вдаль их долгие орбиты,
И сам, звездой став, я вспыхиваю вдруг,
Объятый пламенем вхожу в их вечный круг,
Во мне законов их живет двойная сила.
Я чувствую – влекут мой шар к себе светила,
И сладко мне нести их тяжесть в свой черед.
Истоки бытия, причин извечный ход,
Любовь и рознь стихий объемлю взором жадным.
(Перевод В. Римского-Корсакова). [2, с. 157].

Нельзя не согласиться с французским исследователем творчества А. Шенье Ж. Пеллисье, который в этой связи отмечает, что «...здесь лирическая муза поэта, проникнутая жизненной теплотой, уже является жрицей науки и цивилизации» [14, с. 43].

Примерно в одно время с «Гермесом» была задумана поэма «Америка», также оставшаяся в набросках. История завоевания и освоения американского континента вызывала в XVIII в. чрезвычайный интерес французов, который еще более усиливался в связи с освободительной войной американских колоний за независимость. Помимо исторических событий, поэма «Америка» должна была включать географическое описание Земли, живущих на ней народов, их истории, обычаев и религии. «Il faut dans cet ouvrage, ..., décrire de côté en côté absolument toute la géographie du globe aujourd'hui connue. ... Il faudra donc ... que je marque sur le papier les peuples, les productions, le sol, le climat, la religion, la culture, les animaux et toute l'histoire naturelle, les moeurs, les usages, l'histoire, la topographie de tous les pays du monde,» – пишет поэт в набросках к поэме. [21, с. 417]. В центре внимания поэта – история человечества, поворотным пунктом которой является открытие и завоевание Америки.

Эпические поэмы «Гермес» и «Америка» Шенье считал главным делом своей жизни и именно с ними он намеревался впервые выступить в печати. Выбор жанра эпической поэмы для произведений, которые поэт считал самыми значимыми в своем творчестве, свидетельствует о влиянии литературных взглядов просветителей, которые, ориентируясь на традиции классицизма, считали ее важнейшим из всех жанров.

Поэма «Замысел» («L'Invention»), явившаяся итогом размышлений автора о современной поэзии и ее путях, содержит его концепцию создания художественного произведения. Она должна была служить теоретическим обоснованием «Гермеса» и «Америки».

В этой поэме Шенье включается в литературную дискуссию, получившей название «спора древних и новых». Этот спор, в котором наметился кризис классицистической доктрины, длился более четверти века и стал одним из главных событий духовной жизни Франции того времени. «Спор древних и новых» называют «рубежом, отделяющим семнадцатый век от восемнадцатого и одновременно мостом, их связующим» [4, с. 7]. Предметом дискуссии было отношение к античному наследию, представляющее собой, как отмечают исследователи, «краеугольный камень истории художественной мысли, от Ренессанса

ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПОЭЗИИ АНДРЕ ШЕНЬЕ

до Великой французской революции» [4, с. 8]. В ходе дискуссии была предпринята попытка определить достоинства и недостатки современной и античной литературы.

Инициатором «спора древних и новых» стал Шарль Перро, который отдавал предпочтение современности в искусстве, науке и философии и был решительным сторонником прогресса. Он говорил о высоких достижениях новой литературы и приходил к мысли о ее превосходстве по отношению к литературе древности.

Самым упорным противником лагеря «новых» был Н. Буало, придерживавшийся античного канона и требовавший следовать природе в духе древних. Античное искусство для Буало – «...идеальное зеркало, позволяющее во временном разглядеть вечное, в реальном – идеальное». [4, с. 20]. Он полагал, что современная действительность достойна быть увековеченной в искусстве только отраженной в этом зеркале. Полемизируя с Перро, Буало ссылается на авторитет традиции. Произведения древних велики, потому что вызвали восхищение на протяжении веков: «...только длинная череда лет может установить истинное достоинство и ценность произведения». [6, с. 298]. Для «новых» было характерно иное понимание традиции: это не воплощение высшего надличного разума, а всего лишь скопление предубеждений и предрассудков. Такое отношение к традиции делает «новых» предшественниками просветителей.

В поэме «Замысел» Шенье предлагает свой вариант поэтики, пытаясь создать синтез противоположных взглядов. Поэт отвергает ретроспективное подражание древним авторам, свойственное сторонникам классицизма. Он призывает к творческому, активному восприятию античности. По мнению Шенье, истинный поэт, заимствуя стиль и жанры великих творцов древности и участь у них художественному совершенству, должен обогатить поэзию новыми темами, воплотить в своих произведениях новые представления о мире и человеке, сделав достоянием поэзии знания, подаренные человечеству Галилеем, Торичелли, Бюффоном, Ньютоном, – то есть творить так, как творили бы античные авторы, если бы они родились в конце XVIII в. во Франции и если бы им были доступны достижения современной науки [21, с. 125–126]. На эту особенность творческого метода Шенье еще в середине XIX в. обратил внимание русский исследователь В. Костомаров, отметивший, что «Шенье требует, чтобы воображение поэта ... не было стеснено узкими пределами, в которых удерживал греческого поэта дух его века». [10, с. 332]. Таким образом, Шенье выступает за поэтический союз античности и современности, утверждая, что новая поэзия должна объединить античную эстетику и современные идеи:

Changeons en notre miel leurs plus antiques fleurs;
 Pour peindre notre idée, empruntons leurs couleurs;
 Allumons nos flambeaux à leurs feux poétiques;
 Sur des pensers nouveaux faisons des vers antiques [21, с. 127].
 Как пчелы, мед с цветов античных соберем,
 Для факелов огонь у эллинов возьмем,
 Палитру наших дней их красками усилим
 И мысли новые в античных строфах выльем. (Перевод Б. Брика) [1, с. 123].

Представляется возможной связь слова “*invention*”, стоящего в заголовке, с первым из триады ключевых понятий риторической поэтики (*inventio* – выбор темы, замысел; *dispositio* – расположение материала; *eloquentia* – красноречие). [2, с. 483]. Как видно, уже в заглавии автор подчеркивает необходимость для поэта поиска нового предмета познания и изображения.

Посредством поэтического изображения авторы должны сделать достижения современной науки, которые в «век разума» казались наиболее достойной темой произведения, широкодоступными:

Mais quoi! ces vérités sont au loin reculées,
 Dans un langage obscur saintement recélées:
 Le peuple les ignore.
 O Muses, ô Phébus!
 C'est là, c'est là sans doute un aiguillon de plus.

 Et les objets nouveau que sa voix a tentés
 Partout, de bouche en bouche, après elle chantés.
 Elle porte, à travers leurs nuages plus sombres,
 Des rayons lumineux qui dissipent leurs ombres... [21, с. 128].
 Но наши истины сокрыты, как святыни,
 И темный их язык для многих чужд поныне.
 Народ не знает их. Так вот что лишний раз
 О, Музы, подстрекнуть должно, конечно, нас!

 Коль новые она предметы воспоет,
 Те песни вслед за ней подхватит весь народ,
 И, прежде скрытое густыми облаками,
 В одно мгновение освещено лучами. (Перевод Е. П. Гречаной). [2, с. 20–21].

Поэт призывает объединить научное и художественное начало, дав поэтическое воплощение достижениям научной мысли эпохи с целью приобщить к ним читателей. Он разделяет просветительское отно-

шение к литературному произведению как к возможности выполнения дидактических, образовательных задач, как к способу борьбы с предрассудками и невежеством.

Шенье признает незыблемый авторитет основных понятий поэтики классицизма («природа», «правда», «разум»). Он ратует за рациональную ясность мысли, призывает «творцов» («inventeurs» [21, с. 123]) не позволять в своих произведениях «рыбам летать по воздуху» и «ястребам погружаться в лоно морей» («...élevant des poissons dans les airs, // A l'aile des vautours ouvrir le sein des mers...») [21, с. 123], дав таким образом свой вариант напоминания о законах правдоподобия в искусстве. Но вместе с тем Шенье отстаивает свободу поэтического воображения, независимость вдохновения от правил. Как справедливо утверждает Е. П. Гречаная, «муза Шенье словно вырывается на свободу, хотя и не порывает связи с традицией. Между этими двумя «полюсами» – «догматическим» и «вдохновенно-поэтическим» раскачивается маятник поэмы». [2, с. 486].

Автор следует платоновской концепции творчества как «одержимости», даруемой свыше некоей божественной силой (эта сила обозначалась у греков словом «демон», в римской мифологии демону соответствовал «гений»). На основе платоновской трактовки вдохновения Шенье создает предромантический образ поэта [2, с. 490]:

Celui qu'un vrai démon presse, enflamme, domine,
Ignore un tel supplice: il pense, il imagine;
Un langage imprévu, dans son âme produit,
Naît avec sa pensée, et l'embrasse et la suit;
Les images, les mots que le génie inspire...
.....
Tel le bouillant poète, en ses transports brûlants,
Le front échevelé, les yeux étincelants,
S'agite, se débat cherche en d'épais bocages
S'il pourra de sa tête apaiser les orages... [21, с. 131].

А тот, кто демона господство ощущает,
Сих мук не ведает: он мыслит, он мечтает,
Нежданная в душе его кипящей речь
Родится с мыслию, спешит ее облечь;
Во власти гения, он под диктовку пишет...

.....
Так пламенный поэт в безумии благом,
Кипучих полон дум, с пылающим челом,
Тревожен, мечется, бежит в лесные чащи,
Чтоб угасить огонь, в мозгу его горящий...
(Перевод Е. П. Гречаной). [2, с. 23].

Шенье посвящает восторженные строки фантазиям и мечтам поэта, которые являются для него важнейшей составляющей творчества.

Elle seule connaît ces extases choisies,
D'un esprit tout de feu mobiles fantaisies,
Ces rêves d'un moment, belles illusions,
D'un monde imaginaire aimables visions... [21, с. 128].

Ей ведомы одной восторги золотые,
Умов пылающих фантазии живые,
Мечты мгновенные, которыми богат
Воображенья мир – видений милый ряд,
– пишет он о поэзии. (Перевод Е. П. Гречаной) [2, с. 21].

Такое отношение к литературному творчеству имело важное значение для последующих десятилетий, предвещая появление новой художественной системы – романтизма.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- Некоторые особенности художественного метода Шенье, открывшего литературе новые горизонты, не позволяют ограничить его творческое наследие рамками той эпохи, в которую он жил. Не дожив до начала века, Шенье, тем не менее, стоит у истоков поэзии XIX столетия.

- Вместе с тем многие черты мировоззрения Шенье, которые нашли отражение в его поэтическом творчестве, свидетельствуют о значительном влиянии на формирование его взглядов современников-просветителей. К таким характерным чертам относятся приверженность Шенье теории «золотого века» и, в то же время, вера в силу человеческого разума, стремление с его помощью изменить жизнь людей, следствием чего явились сциентифизм и дидактическая направленность некоторых произведений поэта.

Источники и литература

1. Андре Шенье. Избранные произведения. – Л.: ГИХЛ, 1940. – 140 с.

ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПОЭЗИИ АНДРЕ ШЕНЬЕ

2. Андре Шенье. Сочинения 1819. – М.: Наука, 1995. – 608 с.
3. Аничков Е. В. Андре Шенье // Энциклопедический словарь. Т. 78. – С.-Петербург: Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1903. – С. 481–482.
4. Бахмутский В. Я. На рубеже двух веков // Спор о древних и новых. – М.: Искусство, 1985. – С. 7–40.
5. Блюменфельд В. Андрэ Шенье // Андре Шенье. Избранные произведения. – Л.: ГИХЛ, 1940. – С. 3–18.
6. Буало Н. Критические размышления о некоторых местах из сочинений риторика Лонгина // Спор о древних и новых. – М.: Искусство, 1985. – С. 268–313.
7. Великовский С. И. Поэты французских революций 1789–1848. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 279 с.
8. Гречаная Е. П. Андре Шенье – поэт // Андре Шенье. Сочинения 1819. – М.: Наука, 1995. – С. 417–447.
9. Гречаная Е. П. Традиции и новаторство в буколиках Шенье // Филологические науки. – М., 1987. – № 1. – С. 32–37.
10. Костомаров В. История литературы древнего и нового мира. Т. 2. – С.-Петербург: Изд. А. С. Суворина, 1864. – 380 с.
11. Лансон Г. История французской литературы XVIII в. – С.-Петербург: Типо-литография А. Лейферта, 1899. – 248 с.
12. Михайлов А. Д., Обломиевский Д. Д. Поэзия конца века. Парни. Марешаль. Андре Шенье // История всемирной литературы. В девяти томах. Т. 5. – М.: Наука, 1988. – С. 149–154.
13. Обломиевский Д. Д. Андре Шенье и революция // Литература французской революции 1789–1794 гг. – М.: Наука, 1964. – С. 190–233.
14. Пеллиссе Ж. Литературное движение в XIX столетии. – М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1895. – 410 с.
15. Перро Ш. Параллель между древними и новыми в отношении искусств и наук // Спор о древних и новых. – М.: Искусство, 1985. – С. 59–94.
16. Руссо Ж-Ж. Рассуждение о науках и искусствах // Антология мировой философии. – Т. 1. – Киев: УМК ВО, 1991. – С. 152–163.
17. Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. – М.: Худ. лит., 1968. – 774с.
18. Сент-Бев Ш. Матюрен Ренье и Андре Шенье // Литературные портреты. Критические очерки. – М.: Худ. лит., 1970. – С. 67–82.
19. Фонтенель Б. Свободное рассуждение о древних и новых // Спор о древних и новых. – М.: Искусство, 1985. – С. 250–264.
20. Шор В. Е. Андре Шенье // Писатели Франции. – М.: Просвещение, 1964. – С. 263–276.
21. Chénier A. Oeuvres complètes. – Paris: Gallimard, 1989. – 1073 p.
22. Latouche Henri de. Sur la vie et les ouvrages d'André Chénier // Французская элегия XVIII-XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры. – М.: Радуга, 1989. – С. 577–586.

Голосова Т.М.**ЗОВНІШНЬОТЕМПОРАЛЬНА КВАЛІФІКАЦІЯ ФОРМ НАКАЗОВОГО ТА УМОВНОГО СПОСОБІВ ПРИ ВИРАЖЕННІ ТАКСИСНИХ ВІДНОШЕНЬ ПОСЛІДОВНОСТІ В ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ**

Категорія таксису в сучасному мовознавстві розглядається як темпоральне відношення між діями в широкому смислі і поєднує будь-які значення предиката у межах цілісного періоду часу, що охоплює семантику всіх компонентів поліпредикативного комплексу [див. глибше: Теорія функціональної граматики: Аспектуальність].

Вона зумовлює таким чином формування та реалізацію в мовній організації як однієї із структур відношень послідовності.

В текстовій системі представлення відношень послідовності формується як результат розгортання функціональної категорійної семантики лімітативності.

Поняття лімітативності в сучасному мовознавстві увіходить у парадигму граматичної та функціонально-семантичної категорії аспектуальності.

У граматичній аспектуальній системі лімітативність є семантикою [Н.С. Авилова, В.В. Виноградов, Ю.С. Маслов] або однією з варіантних [А.В. Бондарко, Р.О. Якобсон] ознак, яка виступає, передусім, як засіб розмежування видових протиставлень поряд з граматичними категорійними значеннями результативності, граничності, точечності, закінченості дії або часу, багаторазовості, цілісності тощо, у залежності від тієї або іншої аспектуальної теорії. Отже, вказана категорійна семантика визначає насамперед виділення дієслівних форм доконаного виду.

Лімітативність у функціональній граматиці кваліфікується як семантико-граматична категорія, що об'єднує різні типи відношення дії (в широкому значенні) до межі, і разом з тим як поле, що охоплює засоби тієї або іншої мови, які служать для вираження вказаних відношень. Межа при цьому охоплює семантику повноти (вичерпаності) вияву дії, що фіксується тим чи іншим дієсловом у часі.

Таким чином, лімітативність входить у загальну парадигму функціонально-семантичних субкатегорій аспектуальності: тривалості, кратності, перфектності, статуральності, реляційності, представляючи семантику внутрішнього часу дії [А.В. Бондарко].

Загальне функціонально-семантичне категорійне значення реалізується як формами доконаного, так і